

Заглавие документа:

Чикалова И.Р., Чикалов Р.А. МЕТРОПОЛИЯ И КОЛОНИИ: БРИТАНСКАЯ МОДЕЛЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ // СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. – РЯЗАНЬ: РГУ им. С.А. ЕСЕНИНА, 2009. – С. 78-82

Автор: Чикалова Ирина Ромуальдовна,
Чикалов Ромуальд Александрович

Тема: История Великобритании, британские доминионы

Дата публикации: **2009**

Издатель: Рязанский государственный университет

Переселенческие, или белые, колонии представляли собой вид имперских британских владений. Их освоили эмигранты из Европы, в короткие сроки составившие преобладавшую в количественном отношении часть населения. Только из Великобритании с 1815 по 1914 г. эмигрировали свыше 20 млн человек. В Канаде с 1800 по 1910 г. население возросло с 200 тыс. до 7,2 млн, главным образом, за счет иммиграции из Европы, причем среди иммигрантов около половины имели британское происхождение. Открытие месторождений золота в Австралии привлекло в эту страну массу эмигрантов: в колонии Виктория население в 1851 г. составляло 70 тыс., а в 1861 г. – 541,8 тыс. По такому же сценарию развивалась демографическая картина и в других австралийских колониях. Новую Зеландию согласно переписи 1906 г. населяли 908,7 тыс. человек (без коренных жителей маори и выходцев с тихоокеанских островов). Из них 606,3 тыс. родились в самой Новой Зеландии, 208,9 тыс. – в Великобритании и 47,5 тыс. – в Австралии.

Рост экономического потенциала и политических амбиций белого населения переселенческих колоний неизбежно приходил в противоречие с имперским протекционизмом. В 1837–1838 гг. подъем национального движения в Канаде вызвал восстание, быстро подавленное, но свидетельствовавшее о нарастании осознания самобытности и собственных интересов. С другой стороны, в самой Англии усиление экономических и политических позиций буржуазии привело к требованиям модернизировать колониальную политику, отказавшись от протекционизма торгово-колониальных монополий наподобие Ост-Индской, Новозеландской земельной и др. Виднейший представитель либерализма Ричард Кобден в 1848 г. в одной из своих речей призывал к изменению принципов взаимоотношений с колониями: *«Нам говорят, что мы имеем много колоний. Однако позвольте спросить: не намереваетесь ли вы удерживать их армиями флотами? Моя цель – сохранить колонии посредством их привязанности»*. Подобные взгляды высказывал и другой идеолог либерализма Голдуин Смит: *«Я не утверждаю, что мы должны поспешно бросить все. Необходимо приспособить империю к меняющимся условиям ее существования»*. Последователи Кобдена и Смита считали отделение в перспективе «белых колоний» неизбежным, но полагали, что приобретение политической самостоятельности не

освободит бывшие колонии от английского влияния благодаря экономическому могуществу метрополии. Более умеренные либеральные круги (У.Мольсворт, Дж.Милль и др.) не шли столь далеко в постановке целей имперской политики и исходили из идеи сохранения империи как гарантированного рынка продовольствия, сырья и сбыта готовой продукции. С этой точки зрения они признавали необходимым сохранение и укрепление империи, для чего следует модернизировать имперскую политику. Консерваторы, со своей стороны, полностью отрицали возможность предоставления переселенческим колониям самоуправления, поскольку считали, что это ведет к развалу империи. Столкновение политических позиций относительно характера взаимоотношений между частями империи привело к утверждению принципа ограниченного суверенитета переселенческих колоний, практически реализованного наделением переселенческих колоний самоуправлением.

Возникшие в «белых колониях» промышленно-аграрные и политические элиты оказались перед необходимостью решения конкретных проблем развития своих стран. Однако этому препятствовала действовавшая «доктрина несовместимости», сущность которой состояла в том, что принимаемые колониальными парламентами законодательные акты не должны противоречить законам Британской империи, включая нормы прецедентного права. Соблюдение общеимперских норм во многих случаях приходило в противоречие с конкретными потребностями хозяйственной и иной деятельности в колониях, сужало сферу местной автономии. Невозможность изменять дарованные английской короной конституции и «доктрина несовместимости» препятствовали созданию отвечающей местным условиям законодательной базы и вызывали трения между колониями и метрополией. Противоречие было снято с принятием английским парламентом «Акта о действительности колониальных законов» 1865 г. Законодательным ассамблеям колоний предоставили право вносить с одобрения метрополии изменения в свои конституции и законодательные акты в силу установленной нормы, гласившей: *«Ни один колониальный закон не будет являться или считаться лишенным силы или действия из-за противоречия закону Англии»*. Применение «доктрины несовместимости» ограничило только законами, которые противоречили актам английского парламента в отношении самих колоний (*«Колониальный закон, который оказывается или окажется в каком-либо отношении противоречащим постановлению какого-либо акта парламента, распространяющегося на ту колонию, к которой такой закон относится, ... будет являться и оставаться абсолютно лишенным силы и действия»*).

Власти переселенческих колоний обоснованно видели в таможенных пошлинах источник пополнения бюджетов и средство защиты внутреннего рынка от зарубежного импорта. В 1859 г. канадское правительство, а затем и правительства других самоуправляющихся колоний повысили ввозные пошлины на промышленные товары, включая английские – этим было отвоено право на самостоятельную тарифную и торговую политику. К ведению колониальной администрации отнесли и регулирование земельных отношений. По английскому парламентскому акту 1865 г. переселенческие колонии получили воз-

возможность создавать сухопутные и морские вооруженные силы. С постепенным расширением компетенции в законодательстве и хозяйственной жизни переселенческие колонии приобретали все больше черт независимых государств. Очередным шагом в этом направлении стало наделение Канады, а за ней и других самоуправляющихся колоний статусом доминиона. Подчиненность доминионов метрополии имела более виртуальный, нежели политический характер. Генерал-губернаторы формировали правительства, но действовали только в согласии с ним. Они располагали правом вето, но не пользовались им. Английское правительство сохраняло контроль над администрацией самоуправляющихся колоний, но не ограничивало их деятельность. Независимый образ деятельности самоуправляющихся колоний отнюдь не порывал их связи с метрополией, но шаг за шагом приближал к полному суверенитету.

Курс либеральных правительств на автономизацию переселенческих колоний вызвал неоднозначную реакцию в английском обществе. У него были влиятельные противники. Дизраэли прямо говорил о пагубности либеральной политики: *«Если вы взглянете на историю Великобритании с момента выхода либерализма на общественно-политическую арену – сорок лет назад – то обнаружите, что ни в одной сфере политики не было столь постоянных и столь коварных усилий, как попытки либералов осуществить дезинтеграцию империи»*. Во множестве появились утверждения о расовом единстве английского народа и народов колоний. Известный историк Дж.Сили доказывал, что люди, переселившиеся в колонии, по сути своего духа остаются англичанами. Один из лидеров экстремистского консерватизма А.Мильнер, служивший в 1897–1901 гг. верховным комиссаром Капской колонии, также пропагандировал идею единства англичан метрополии и англичан, обосновавшихся в колониях и положивших начало новым нациям. *«Когда мы, называющие себя империалистами, говорим о Британской империи, мы думаем о группе государств, независимых друг от друга в своих местных делах, но связанных воедино для защиты их общих интересов и развития общей цивилизации и таким образом объединенных в постоянный органический союз. Мы полностью признаем, что владения нашей короны в их сегодняшнем виде являются лишь сырым материалом для такого союза»*, – подчеркивал он. На фоне подобного рода пропаганды постепенно вызревала идея федерализации имперских отношений. В целях продвижения в жизнь идеи федеративного союза Великобритании и самоуправляющихся колоний в 1884 г. была создана Лига имперской федерации. В нее вошли не только консерваторы, но и такие видные либералы, как У. Форстер и лорд Розбери – министр иностранных дел в 3-м и 4-м кабинетах Гладстона и сам премьер-министр в 1894–1895 гг. Филиалы Лиги были созданы в Канаде, Австралии, Южной Африке. По инициативе Лиги в апреле 1887 г. собралась конференция премьер-министров Британии и самоуправляющихся колоний. На конференции Австралия и Новая Зеландия подписали договор на 10 лет с обязательством ежегодно выплачивать 126 тыс. ф. ст. на содержание британской эскадры кораблей, постоянно базирующейся в портах Австралии и Новой Зеландии. Важность этого соглашения состояла в создании прецедента финансиру-

ния колониями вооруженных сил метрополии. Розбери полагал, что после конференции 1887 г. империя уже представляла определенную форму федерации.

В конце XIX – начале XX вв. доминионы достигли впечатляющих успехов. Канада и Австралия прочно закрепились на мировом рынке по поставкам хлеба, Австралия – по торговле шерстью. Устойчиво возрастал новозеландский экспорт мяса, молока и сыра в Англию. Доминионы располагали крупными запасами угля, черных и цветных металлов, что стало базой развития энергетики, металлургии, металлообработки и машиностроения. Австралия и Новая Зеландия занимали 3-е место в мире (после Южной Африки и США) по добыче золота. Золотые месторождения были открыты и в Канаде.

Успехи доминионов способствовали возрождению планов укрепления имперского единства через образование федерации Великобритании и самоуправляющихся территорий. Их проводником стал министр колоний в кабинете Солсбери Джозеф Чемберлен. В 1897 г., воспользовавшись празднованием 60-летия королевы Виктории, он провел в Лондоне конференцию премьер-министров Канады, Капской колонии, Наталя, Ньюфаундленда, Новой Зеландии и 6-ти австралийских колоний (на тот момент они еще не объединились в Австралийский Союз). Цель конференции Чемберлен видел в постановке проблемы укрепления империи путем создания более тесного союза между метрополией и ее самоуправляющимися частями. Имелось в виду заключение таможенного союза, налаживание военного сотрудничества, образование имперского совета с информационно-консультативными функциями. Однако конкретных рекомендаций на этот счет конференция не вынесла, ограничившись констатацией удовлетворительного состояния сложившихся в империи политических отношений. Идея создания имперской федерации обсуждалась на третьей конференции с участием Дж. Чемберлена и глав правительств самоуправляющихся территорий, проходившая в июне-августе 1902 г., но вновь не нашла поддержки.

С планами консерваторов не были согласны либералы. Взаимоотношения с автономиями они предпочитали строить не путем образования федерации, а на основе принципа «свободных отношений». Открывая четвертую, колониальную конференцию, которая работала с 15 апреля по 10 мая 1907 г., премьер-министр Великобритании Кемпбелл-Баннерман определил основной мотив имперской колониальной политики либеральной партии: «свобода и независимость» есть суть взаимоотношений Британии с автономными колониями. Эта формула исключала возможность уменьшения власти британского правительства, но ее принятие затруднялось неоднозначностью позиций автономий. Их премьер-министры в оценке перспектив развития политических связей метрополии и самоуправляющихся колоний не были едины. Одни из них, как премьер-министр Канады Лорье, были против создания наднациональных органов, хотя бы символизирующих создание федерации. Лорье полагал, что полноценная автономия в большей степени благоприятствует национальным особенностям и предоставляет лучшие возможности для прогресса своей страны, а поэтому поддерживал курс британского либерального кабинета. Другие, как премьер-министр Австралии А. Дикин, считали необходимым преобразовать меха-

низм имперских отношений через специальный секретариат с консультативно-техническими функциями, что должно улучшить понимание метрополией внешне- и внутривластных интересов автономий.

Ввиду подобных разногласий решения конференции отличала компромиссность. Прежде всего, конференция провела грань между самоуправляющимися и коронными колониями. Решили впредь имперские автономии именовать доминионами. Сочли необходимым конференции именовать не «колониальными», как раньше, а «имперскими» и проводить их каждые 4 года. Определили структуру конференции: премьер-министр Великобритании – ее президент, а премьер-министры доминионов и британский министр колоний – члены. Согласились, что при голосовании резолюций каждое правительство имеет один голос. Создали постоянный секретариат конференции под руководством министра колоний. Сочли возможным проводить вспомогательные конференции в случае необходимости консультаций по неотложным вопросам. Предоставили доминионам право участвовать в работе Комитета имперской обороны. Договорились об образовании из представителей Великобритании и доминионов имперского генерального штаба с задачами стратегического планирования, подготовки командного состава, сбора информации, оказания консультативной помощи в целях укрепления и совершенствования имперской военной организации

Конференция 1907 г. стала этапным событием в эволюции взаимоотношений Великобритании и самоуправляющихся колоний. С одной стороны, уровень их государственности был повышен до статуса доминионов, который в большей мере соответствовал возросшему социально-экономическому и политическому потенциалу, укрепившемуся национальному самосознанию белого населения. С другой, – имперские конференции были трансформированы в действовавший на постоянной основе консультативно-совещательный орган, который стал элементом государственной надстройки Британской империи. В сочетании эти два преобразования перевели отношения самоуправляющихся территорий и метрополии из плоскости прямого подчинения первых последней в сферу политического взаимодействия доминионов с метрополией и между собой. Достижение «белыми колониями» – Канадой, Австралией, Новой Зеландией, Южно-Африканским Союзом – сначала самоуправления, а затем и статуса доминионов положило начало эволюционному процессу, имевшему конечным результатом полную независимость этих территорий. В эволюционном развитии принципиальное отличие методов ее достижения от тех, которые использовали английские колонии в Северной Америке, избравшие революционный путь образования США.

Прогрессивный либеральный историк и социолог М.М. Ковалевский оценивал события последних трех четвертей XIX в. как превращение Англии из аристократической державы в «демократическую монархию» и видел в них величайшую революцию, совершенную мирным путем.